

Пространство России: старое и новое

У каждого поколения есть соблазн выделить свое время — гордиться, негодовать или ужасаться своей особой эпохой. Однако если время течет неравномерно, если история есть и дана, то эпохи, очевидно, не равнозначны: более и менее насыщенные, более и менее обыкновенные. Тогда кому-то неизбежно выпадает участь жить в необычное время. Сознание этого может быть самонадеянной гордыней или трезвой скромностью. Место себе можно выбирать, а время, как известно...

Последние полтора десятилетия явили себя крупными, глобальными сдвигами в пространстве. Здесь не место говорить свершились ли или только стали явными перемены. Важно, что пространство становится иным и устроенным иначе. Наступила эпоха постмодерна — этим сказано многое, но отнюдь не все. Именно сейчас происходят, накладываясь друг на друга, подгоняя друг друга, несколько пространственных революций: во-первых, ось мировой экономики (и даже истории!) перемещается к Тихому океану; во-вторых, мультикультурализм постмодерна означает и огромный рост ценности разнообразия пространств, ландшафтов; в-третьих, похоже, что фазовые виртуальные пространства взяли верх над физическими территориальными.

Наблюдателю в нашей стране эти мировые события должны быть видны отчетливее, пониматься глубже. Но не из-за преимуществ нашего отдаленно отстраненного далека. Дело в ином. Сама ситуация жизни в районе тектонических сдвигов должна обострять видение, катаклизмы приучают к реальным масштабам событий. А наша страна является местом событий мирового значения — распадается (единственная или последняя?) планетарная по умыслу и последствиям империя.

События имеют закономерность и смысл. В них много неожиданного, но совсем немного загадочного. События трудно пережить, но легче понять. **"Непостижимо не происходит"**, — писал я в 1993 г. Под этим подписываюсь и сейчас.

Непостижимо и непредвиденно так и не произошло. Мы не выбрали еще из процесса распада СССР, особенно если понимать под этим не смену внешних государственных рамок, а радикальное изменение структур пространства повседневности. Время постсоветского пространства еще не настало. В своих главных чертах пространство остается советским — оно очень централизованное и моноцентричное, по-прежнему нанизано на единый и единственный каркас административно-территориального деления, его главные детали — районы АТД, а главный тип пространства — Периферия. Попытки реанимации, которые мы видим сейчас, свидетельствуют о том, что умерший еще не разложился. Опасения десятилетней давности, что осуществится сценарий "РФ — это СССР сегодня", увы, сбываются даже в том, что касается сути федерации. СССР распался. Верно и дополнительное суждение: СССР сжался как шагреновая кожа. Но его еще много... Однако квазистабильность Российской Федерации все длится и длится, а "революция регионов", на которую возлагалось столько надежд, похоже, сменяется некоей "контрреволюцией" — разве строительство властной вертикали, семь округов, новая финансовая централизация — это что-то иное?¹

Подробнее см.: *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Структурная инерция сильна, проблемный багаж советского пространства еще распаковывать и распаковывать, и это — "все-речь и надолго". Но ведь всякое будущее отчасти предопределено прошлым. Проблема лишь в мере предопределенности и готовности принять бремя этой предопределенности, в соотношении меры принятия и меры преодоления. Первая фраза предыдущего абзаца может звучать и так: чуда не произошло, а ведь вся перестройка и была смесью надежд на чудо и попыток вызвать его возгласами "гласности".

Тем не менее произошло много нового. Советская система была сложной структурой, теперь части, детали, фрагменты этой конструкции все более живут своей жизнью. Она узнаваема и беспрецедентна одновременно. Этим и интересна.

Пространство обладает необычайной институциональной силой. Много, ох, как многое в нашей жизни (которую принято разделять на политику, экономику, культуру, науку и т.д. — иначе не охватить мыслью) вполне объяснимо структурой нашего пространства.

Например, расцвет новых центров нового бизнеса, так называемых вторых городов — Магнитогорска, Череповца, Норильска и т.д. — обусловлен прежде всего их местом в структуре советского пространства: они свободны от бремени регионов. Вместе с тем пространство фетишизируется, заволакивая идеологический горизонт разного рода геополитическими фантомами и мифами наподобие неоевразийства или "моста между Востоком и Западом". Большое пространство предъявило спрос на собственные апологии. Имперское пространство нуждается в обосновании. Можно, однако, надеяться, что разработка оснований обнажит пустоту, поиск одежд короля явит их отсутствие.

Упования на большое пространство объясняют и апологию большого бизнеса, именно и прежде всего как большого. Размер остается главной категорией нашего пространства. Оно мистифицировано и мифологизировано по-прежнему. Обнадеживают лишь ротация и постепенная рационализация мифов.

Однако гипертрофия пространства, культурный и идеологический культ пространства — оборотная сторона его игнорирования; то и другое — симптом пространственной невменяемости (я много писал о ней в цитированной выше книге). Не знаю, можно ли сейчас говорить о "государстве" ("советское государство" государством в строгом смысле не было). Если можно, то следует сказать: именно государство сконцентрировало и пестует свою пространственную невменяемость (приметы чего легко видеть бы в череде неудач пространственных планов вначале Центра СССР, а потом и Центра РФ — от спасения СССР до управляемой федерации в РФ). Общество или, вернее, то, что не-государство ведет себя местами и временами гораздо осмысленней.

Сколь бы ни было важно, сильно, существенно, значимо пространство, его физические, административные, экономические структуры, не пространство сейчас задает пределы возможностей. Есть вещи посильнее географии...

Однозначный пространственный детерминизм — чрезвычайно популярный ныне — не действует в реальности, это — ментальный фантом. Опасная фикция. Удобная основа и опора социального конформизма и интеллектуальной безответственности. Критические окна возможностей, направления и способы выживания, развития страны не предопределены пространством, не детерминированы ее размерами и географией, бременем "северов", тяготой расстояний, опасным соседством... География не предопределяет истории. Пространство затрудняет реализацию возможностей, создает сложности для осуществления истории, но отнюдь не оно задает сами возможности.

Казалось мне в начале 1990-х годов — а кровь уже пролилась в десятке мест — что смерть СССР обходится малой кровью. И сейчас не отказываюсь от этого суждения. Человеческая цена разборки империи оказывается огромной, но она куда меньше, чем цена ее сборки большевиками. Надо отдавать себе в этом отчет. Ведь самого страшного не случилось. Атомная гражданская война не состоялась, а мы были невероятно близки к этому, как понял я впоследствии, побывав в 1995 г. в Арзамасе-16.

А кроме того, мы постоянно забываем, что советские войны никогда и не кончались. Теперь кровь льется в иных местах, в пределах самой метрополии. Цена теперешнего распада вряд ли больше, чем была цена поддержания империи.

В статьях начала 1990-х годов я пытался передать интеллектуальное ощущение необыкновенно сильной противоречивости, двойственности, амбивалентности событий. Формальный демонтаж социализма оборачивался концентрацией его сущности, как если бы вино уничтожали путем перегонки в винный спирт. Действующими лицами буржуазной революции становились прежде всего (если не единственно) целостные блоки советской системы — регионы разных пространств. Эта противоречивость — атрибут кризиса. И никуда не делась. Кризис продолжается. Но кризис — это жизнь. Странная и трудная жизнь лучше разукрашенной и активной нежити. Ныне становится все явственнее, как смердело от труп СССР.

Меня не оставляет странное и острое ощущение — меняясь с необыкновенной скоростью, проносясь перед умственным взором вихревым облаком, последнее десятилетие в то же время одновременно и будто застыло и лишь часто подрагивает, как бы пульсирует.

Головокружительное чувство — произошло возвращение страны в мировое сообщество, оно же — возвращение в историю. Так казалось. Но произошло ли? Ведь история — это освоенная осмыс-

ленность произошедшего, культурная институционализация прошлого. Актуализация прошлого именно как необратимого. Возвращение России в историю обернулось попыткой вернуться сразу во все времена и перерешить решенное историософски и геополитически. История предстала закрытым ранее коридором; вдруг почудилось возможным — неизбежным — необходимым — заманчивым войти в любую дверь и обставить комнату заново; история предстала обратной. Захотелось стать и могучей традиционной империей, и современной постиндустриальной державой, и национальным государством русских...